

СМЫСЛОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ

А.В. Полетаева (Кемерово)

Аннотация. Обсуждается вопрос о переживании травматического события. Выделены структурные характеристики смысловой составляющей переживания. Показана роль актуального смыслового состояния в переживании травматического опыта, описаны психологические механизмы переживания.

Ключевые слова: травматическое событие, психологические механизмы переживания, смысл, ценность, актуальное смысловое состояние.

На своем жизненном пути люди сталкиваются с разнообразными событиями, которые могут восприниматься как яркие, эмоционально окрашенные, интересные, значимые, трагичные. Событийно-биографический подход подчеркивает уникальность, неповторимость жизни каждого человека. В отечественной психологии эти вопросы рассматриваются в рамках направления исследования жизненного пути личности, разработанного С.Л. Рубинштейном, определявшим жизненное событие как поворотный этап в психологии жизненного пути, когда принимаются важные решения на длительный период. Проблема взаимодействия внутреннего мира личности с внешними обстоятельствами рассматривается Б.Г. Ананьевым, К.А. Абульхановой-Славской, Н.В. Логиновой и др. Понятие «жизненное событие» широко освещается в общей психологии и психологии личности; однако такому поворотному жизненному событию, как травматическое, в данных отраслях до сих пор не было уделено достаточного внимания.

С начала 80-х гг. XX в. в зарубежной психологии сформировалось исследовательское направление, занимающееся изучением проблемы экстремальных перегрузок. В результате сложились такие понятия, как «психическая травма», «травматические перегрузки», «травматическое событие», «травматический стресс». Однако, как справедливо отмечает М. Перре, несмотря на частое употребление этих терминов, их определение до сих пор весьма расплывчато и неоднозначно [6. С. 365]. «Перекочевав» в отечественную литературу, не имеющую четко оформленного теоретико-методологического базиса исследований данной проблематики, эти понятия тем более не получили должного прояснения.

В отечественной психологии основные направления исследований функционирования индивида в стрессовых и потенциально травматических условиях определили Ю.А. Александровский, Ф.Б. Березин, Е.С. Калмыкова, Ц.П. Короленко, М.Ш. Магомед-Эминов, Ф.З. Меерсон, В.Я. Семке, Н.В. Тарабрина и др. Большинство исследователей эта проблема рассматривалась в основном в рамках стрессологии и психопатологии (В.А. Бодров, М.Е. Зеленова, Е.О. Лазебная, А.Г. Маклаков, Н.Н. Пуховский, А.Л. Пушкарев, Е.В. Снедков). К настоящему времени наиболее интен-

сивно исследовалась связь травматических жизненных событий с посттравматическими стрессовыми расстройствами [4, 12, 15, 16]. На наш взгляд, преимущественное рассмотрение круга данных вопросов с методологических позиций клинического подхода не учитывает смысловую проблематику преодоления травматического опыта. Однако существует немало исследований, в которых можно найти прямое или косвенное подтверждение связи способов преодоления травматического опыта с особенностями ценностно-смысловой сферы личности [1, 4, 7, 8, 10, 14]. Еще В.Н. Мясищев высказывал мысль о том, что в психогениях патогенную причинную роль имеют нарушения отношений, понимаемые им как целостная система индивидуальных, избирательных связей личности с различными сторонами объективной действительности [10]. Л.И. Анцыферова отмечает, что проблема «копинга», или преодоления, стала разрабатываться отдельно от нравственных проблем, что является существенным препятствием на пути раскрытия сущности стратегий преодоления, потому как имеются все основания полагать, что эти два направления исследований соединяются тесно и органично [1. С. 15]. Б.В. Зейгарник предполагала, что глубина и устойчивость ценностных установок способны воспрепятствовать разрушительному влиянию многих болезненных состояний, таких, например, как при психической травме [5. С. 8].

Руководствуясь принципом системного детерминизма (С.Л. Рубинштейн, В.Н. Мясищев, Б.Ф. Ломов, К.А. Абульханова-Славская) и концепцией смысловой структуры сознания (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев), мы рассматриваем травматическое событие как функцию интегративного фактора внешней и внутренней реальности субъекта. Интенсивность и глубина влияния события на личность определяется не только исходя из внешнего деструктивного воздействия, но также из внутренних, психологических особенностей личности, особое место в системе которых занимает смысловая структура сознания, определяющая индивидуальные различия в силе и направленности разрушающего эффекта.

В контексте современных социальных, культурных, экономических трансформаций перед человеком на разных этапах его жизненного пути возникают различные по содержанию и силе стрессовые ситуации,

которые предъявляют совершенно новые требования к его психическим возможностям успешно переживать, разрешать или предотвращать их [2. С. 520]. Травматическое событие предъявляет к человеку требования, зачастую превышающие ресурсы индивида. При столкновении с травматическим событием происходит активизация особой, специфической системы психологических явлений, предназначенной либо для преодоления трудностей или уменьшения их отрицательных последствий, либо для избежания этих трудностей, либо для развития способности принятия факта их присутствия [9]. Процесс преодоления как сложноорганизованная деятельность субъекта протекает на разных уровнях функционирования психики и определяется особенностями деятельности комплекса психологических механизмов. Теоретический анализ позволяет заключить, что в существующих представлениях о психологических механизмах преодоления травматического опыта нашли отражение два основных направления научных исследований.

Первое направление связано с изучением психологической защиты. От исследований психологических защит берут начало истоки современного изучения способов и форм преодоления, лежащих за пределами сознательного контроля индивида. Первоначально психологическая защита понималась преимущественно как интрапсихический феномен (З. Фрейд, А. Фрейд). Со временем термин «психологическая защита» начинает адресоваться и к межличностным феноменам как к своим аналогам (А.У. Хараш, Б.Ф. Поршнев, Г.Г. Дилигенский). Ряд отечественных исследователей (В.Ф. Бассин, А.А. Деркач, Г.В. Грачев, В.А. Агарков) обратили внимание также и на проблему психологической защиты от воздействия внешней среды.

Второе направление исследований переносит свое внимание на сознательный уровень функционирования психических процессов, связанный с действием такого механизма, как совладание. К настоящему времени в трудах зарубежных психологов сложились три основных подхода к толкованию понятия «coping». В рамках первого, представленного в работах Н. Хаан, он трактуется как один из способов психологической защиты, используемый для ослабления напряжения. Для представителей второго подхода (П. Коста, Р. МакКре, Р.С. Мос) ключевым вопросом является выявление степени эффективности определенных диспозиционных тенденций, обозначаемых как стили совладания – устойчивые индивидуальные различия в преодолении стресса. Согласно третьему подходу coping определяется как то, что человек думает и делает для преодоления требований травматической ситуации, и необязательно относится к личностным чертам или устойчивым диспозициям (Р. Лазарус и С. Фолькман).

В соответствии с основными положениями деятельностного подхода А.Н. Леонтьева, развитыми в работах Ф.Е. Василюка, преодоление травматического события происходит в процессе переживания – особого рода внутренней деятельности по трансформации внутреннего мира, изменению смысловых ориентиров жизнедеятельности личности, восстановлению связей между различными компонентами смысловой сферы личности [3]. По нашему мнению, данное понятие является наиболее комплексным, раскрывающим разные стороны процесса преодоления и отражающим все уровни протекания психических процессов.

Отталкиваясь от понимания В.Н. Мясищевым последовательности изменений психической деятельности как процесса, развивающегося на фоне общего функционального уровня – состояния [10], мы поставили своей задачей описать работу психологических механизмов переживания травматического опыта через обуславливающие их состояния. На предыдущем этапе исследования было установлено, что отличительной особенностью психического состояния индивида, столкнувшегося с травматическими обстоятельствами, является неспособность к установлению временных связей и осмыслению событий разных временных модусов [11]. Поэтому наиболее приемлемой классификацией психических состояний в рассматриваемом контексте нам представляется предложенная А.В. Серым классификация типов актуального смыслового состояния (АСС), базирующаяся на временных аспектах направленности вектора смысла [13]. Придерживаясь представления о наличии противоречия в смысловой системе личности в кризисной ситуации, автор переносит акценты на функционирование временных локусов смысла, т.е. смыслов настоящего в контексте определенного отношения к будущему и прошлому опыту индивида. Необходимым условием эффективного функционирования индивида является синхронизация смысловых локусов. Процесс синхронизации временных локусов формирует особое состояние личности, обозначаемое автором как актуальное смысловое состояние (АСС), представляющее собой форму переживания совокупности актуализированных, генерализованных смыслов, размещенных во временной перспективе [13. С. 107]. Типы АСС отражают различную степень смысловой связанности элементов жизненного опыта, располагающихся в определенной последовательности в пространстве субъективной временной реальности индивида и воспринимаемых им с позиции настоящего.

Методы исследования

Для сбора информации о травматическом опыте испытуемых использовался модифицированный оп-

росник LEQ, разработанный в лаборатории посттравматического стресса Института психологии РАН научным коллективом под руководством Н.В. Тарабриной.

Для оценки уровня симптоматики ПТС использовался гражданский вариант Миссисипской шкалы (МШ) для оценки посттравматических стрессовых реакций.

Структура смысловых ориентаций личности изучалась с использованием теста СЖО Д.А. Леонтьева. В исследовании применялся вариант методики, модифицированный А.В. Серым и А.В. Юпитовым, позволяющий диагностировать АСС [17].

Для изучения структурных особенностей актуальных смысловых состояний личности исследуемых использовалась методика Ценностного спектра (ЦС) Д.А. Леонтьева.

Испытуемые

Для получения представления о переживании травматического события нами были обследованы студенты Кемеровского государственного университета, пережившие различные психотравмирующие обстоятельства (плохое обращение в детстве, сексуальное насилие, физическое насилие или угроза применения насилия, несчастный случай, смерть близкого человека и др.). Общий объем выборки – 75 человек, средний возраст испытуемых – 21,3 года.

Результаты исследования и их обсуждение

С целью изучения роли связанности событий различных временных модусов в переживании психологических последствий травматического события нами был проведен дисперсионный однофакторный анализ, где в качестве переменных, обуславливающих результативный признак, выступали типы АСС. В качестве результативного признака была выбрана Миссисипская шкала как показатель, отражающий наличие такого негативного психологического последствия травматического события, как посттравматический стресс (ПТС). Поскольку актуальные смысловые состояния, характеризующие условия действия фактора, демонстрируют различную степень осмысленности и целостности восприятия событий прошлого, настоящего и будущего, соответственно, типы АСС представляют степень градации действующего фактора.

В первую группу, выделенную на основании действия данного фактора, вошли лица с низкими показателями осмысленности психологического прошлого, настоящего и будущего, что является показателем дискретности восприятия жизненного пути, утраты связей между жизненными событиями. Вто-

рую группу составили испытуемые с жесткой фиксацией на определенном временном периоде, на что указывают низкие показатели осмысленности одного или нескольких модусов. Третья группа включала исследуемых, которым свойственно целостное, осмысленное восприятие как происходящего в настоящий момент, так и случившегося в ближайшем и отдаленном прошлом, а также предполагаемого будущего. Количество испытуемых, составивших каждую группу, составило 13, 25 и 37 человек для каждой выделенной группы соответственно.

В результате проведенного дисперсионного анализа было выявлено, что различия в степени выраженности признаков ПТС между группами являются более значимыми, чем случайные различия внутри каждой группы, что показывает изменение результативного признака (ПТС) в зависимости от градации фактора (критерий $F = 9,621$ при $p = 0,0002$). Это указывает на обнаружение статистически достоверного влияния осмысленности переживаемого опыта и взаимосвязи между событиями разных временных этапов жизни на переживание психологических последствий травматического события, причем количественный показатель выраженности посттравматического стресса монотонно меняется в зависимости от степени продуктивности смыслового состояния (рис. 1).

Следующим этапом исследования было определение элементов, входящих в смысловую структуру, и принципов связей между ними. С этой целью была использована методика Ценностного спектра (ЦС), где в качестве оцениваемых объектов выступили несколько категорий, выделенных нами по принципу их отношения к наиболее общим смысловым образованиям, в большей степени подверженным влиянию травматических событий. К числу таких смысловых образований были отнесены представления: 1) об окружающем мире, закономерностях его устройства, функционирования и о своем месте в нем; 2) об окружающих людях; 3) о самом себе. В качестве оцениваемых объектов (понятий), отражающих различные аспекты данных смысловых образований, выступали: «Окружающий мир», «Человек», «Я», «Дружба», «Любовь», «Семья», «Прошлое», «Настоящее», «Будущее». На наш взгляд, выделенные объекты могут быть условно взяты с целью построения модели функционирования системы смыслов и связей между ведущими и периферическими смысловыми образованиями.

Для изучения структуры смысловых состояний личности, переживающей травматическое событие, определения количественных и качественных характеристик связи между элементами системы использовался корреляционный анализ. Для более полной структурной характеристики моделей переживания данные, полученные при проведении корреляционного анализа, были дополнены кластерным анализом. Ис-

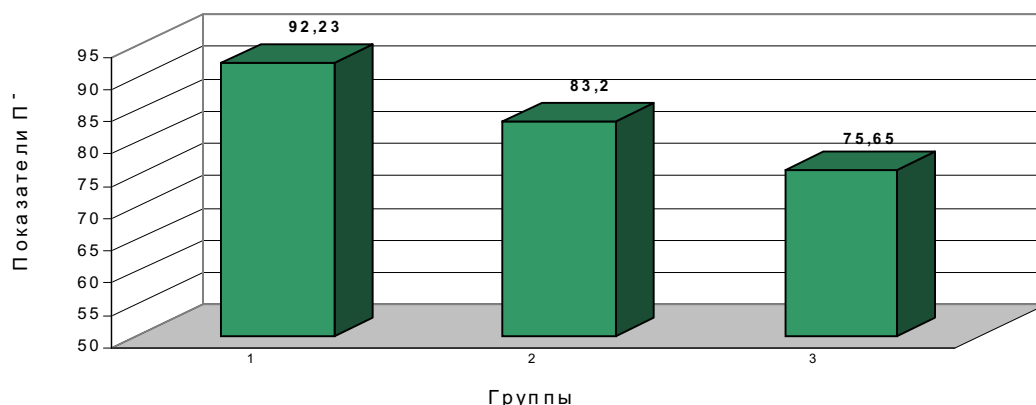

Рис. 1. Изменение показателей ПТС в зависимости от степени продуктивности АСС

пользовался метод одиночной связи. В качестве объектов для кластеризации были приняты признаки, которыми выступили ценностные спектры категорий, отражающих ряд находящихся под влиянием травматического события смысловых образований.

Рассмотрение корреляционных связей между объектами в выборках дало основание для выделения трех основных механизмов переживания травматического события.

Первый механизм получил условное название «Разрыв смысловых связей». Испытуемых, демонстрирующих действие данного механизма переживания, отличает самое малое количество корреляционных связей между объектами. Всего было обнаружено 10 значимых связей (табл. 1), из них половина с низшим уровнем статистической значимости ($p < 0,05$).

Наибольшее количество значимых связей в этой группе было получено с категорией «Будущее», 3 из 4 связей являются сильными, т.е. сохраняются и на уровне значимости $p < 0,01$. Такие категории, как «Любовь» и «Прошлое», при действии данного механизма не обнаружили ни одной значимой связи с другими объектами; категория «Дружба» характеризуется наличием только одной слабой связи ($r = 0,53$; $p < 0,05$) с категорией «Настоящее». «Выпадение» категорий «Дружба» и «Любовь» позволяет рассматривать данный феномен как своего рода блокировку ценностей метауровня. Данные смысловые образования у обследуемой группы носят статус автономных, обособленно функционирующих, не включенных в целостную систему. Особенности функционирования механизма являются нарушение связей между элементами смысловой сферы, разрушение ведущих смысловых образований, сегментарная организация системы личностных смыслов.

Кластерный анализ показал, что смысловые образования, отражающие некоторые актуальные для человека жизненные сферы, значительно удалены друг от друга. Так, наиболее близкие пары элементов «Человек» – «Я», «Семья» – «Настоящее» объе-

динены на достаточно большом расстоянии (67 и 71 единица соответственно). Объединение всех смысловых образований в один общий кластер происходит на расстоянии 120 единиц. Неэффективное функционирование механизма преодоления травматического события обусловливается таким расположением смысловых образований, при котором их элементы воспринимаются как имеющие мало общего, несхожие в субъективном восприятии индивида друг с другом и потому обнаруживающие затруднения в реальном жизненном воплощении.

Относительно эффективный механизм переживания получил название «Фиксация смысла». Данный механизм отличает большее, чем при действии первого механизма, количество связей между элементами смысловой системы (табл. 2). Всего в обследуемой группе было выявлено 17 значимых корреляций, из них 9 при $p < 0,01$.

Для структуры смысловых связей между категориями характерны большая разветвленность, более сложная опосредованность и устойчивость. Достаточно четко выделяется центр корреляционной плеяды («Будущее»), обнаруживающий максимальное число связей с остальными объектами, что свидетельствует о жесткой фиксации системы личностных смыслов на одном ведущем смысловом образовании. При 7 статистически значимых связях с категорией «Будущее» 5 связей демонстрируют достаточный ($p < 0,01$) и высший ($p < 0,001$) уровни статистической значимости. Обнаружение статистически значимой связи между объектами «Прошлое» и «Настоящее» ($r = 0,55$; $p < 0,05$) может свидетельствовать об активных попытках переосмысления полученного травматического опыта с позиции настоящего времени, поиске оптимальных возможностей его включения в связанную картину мира и выявлении причинно-следственных связей между событиями разных временных модусов.

Кластерный анализ показал уменьшение расстояния между смысловыми категориями при выборе

Таблица 1

Интеркорреляционные связи между ЦС категорий испытуемых с действием механизма «Разрыв смысловых связей»

Категории	Окружающий мир	Человек	Я	Дружба	Любовь	Семья	Прошлое	Настоящее	Будущее
Окружающий мир	1	0,50	–	–	–	0,57	–	0,50	0,67
Человек		1	0,86	–	–	–	–	–	0,75
Я			1	–	–	–	–	–	0,71
Дружба				1	–	–	–	0,53	–
Любовь					1	–	–	–	–
Семья						1	–	0,71	–
Прошлое							1	–	–
Настоящее								1	0,51
Будущее									1

Примечание. Указаны только статистически значимые корреляции ($p < 0,05$).

Таблица 2

Интеркорреляционные связи между ЦС категорий испытуемых с действием механизма «Фиксация смысла»

Категории	Окружающий мир	Человек	Я	Дружба	Любовь	Семья	Прошлое	Настоящее	Будущее
Окружающий мир	1	–	–	–	0,48	0,54	–	0,49	0,66
Человек		1	0,90	–	–	–	–	–	0,67
Я			1	–	–	–	–	0,56	0,81
Дружба				1	0,69	0,53	–	–	0,52
Любовь					1	–	–	0,55	0,66
Семья						1	–	0,49	0,55
Прошлое							1	0,55	–
Настоящее								1	0,71
Будущее									1

Примечание. Указаны только статистически значимые корреляции ($p < 0,05$).

более оптимальных средств совладания. Как и в предыдущем случае, наиболее близкой парой элементов является «Человек» – «Я», однако расстояние между составляющими этой подгруппы уже значительно меньше (37 единиц). При данном варианте переживания объекты, объединенные в кластеры, демонстрируют наибольшую склонность к выраженной интеграции и тенденцию проявляться совместно. В один большой кластер они объединяются на расстоянии 82 единиц. Данному механизму свойственны монолитность системы личностных смыслов, низкая автономность, слитность и тесная сцепленность между собой отдельных смысловых образований. Человеку становится сложнее разграничить понятия, отражающие различные смысловые сферы, из-за высокой степени их подобия и подчинения ведущему смыслу. Хотя данный механизм переживания более эффективен с точки зрения преодоления дистресса, такую структуру нельзя считать достаточно устойчивой. Фиксированный, негибкий характер связей между элементами представляет угрозу для всей системы в случае «повреждения» центрального звена. В таком случае разрушается большое количество связей, приводя к автономизации целого ряда элементов.

Наиболее оптимальный механизм переживания был определен как «Переструктурирование и обра-

зование новых ведущих смысловых образований». Наибольшее количество значимых связей выявлено с категориями «Будущее» (6 при $p < 0,01$; 1 при $p < 0,05$), «Любовь» (4 при $p < 0,01$; 2 при $p < 0,05$) и «Семья» (5 при $p < 0,01$), что и позволяет определить их как ведущие при данном механизме переживания (табл. 3). Связи между образованиями характеризуются гибкой опосредованностью и в то же время относительной устойчивостью, о чем свидетельствует наибольшее среди рассматриваемых структур смысловых состояний число значимых связей (21).

Функционирование данного механизма определяется наиболее сложным, неоднозначным характером расположения элементов, кардинально отличным от рассмотренных ранее структур. Как и в двух предыдущих случаях, наиболее близкими в смысловом пространстве элементами, составляющими один кластер, являются «Человек» – «Я». Расстояние между этими элементами составляет 32 единицы, что говорит о высшей степени их подобия в сравнении с расстояниями, зафиксированными в двух других группах.

Эта парная подгруппа представляет относительно автономную группировку и объединяется с другим кластером на достаточно большом расстоянии – 82 единицы. Расположение элементов целостной системы смыслов демонстрирует относительно ма-

Таблица 3

**Интеркорреляционные связи между ЦС категорий испытуемых с действием механизма
«Переструктурирование и образование новых ведущих смысловых образований»**

Категории	Окружающий мир	Человек	Я	Дружба	Любовь	Семья	Прошлое	Настоящее	Будущее
Окружающий мир	1	0,50	0,50	–	0,56	0,75	–	0,51	0,69
Человек		1	0,94	–	0,61	–	–	–	0,56
Я			1	–	–	–	–	0,50	0,53
Дружба				1	0,66	0,66	–	0,48	0,52
Любовь					1	0,59	–	0,49	0,75
Семья						1	–	0,54	0,73
Прошлое							1	–	–
Настоящее								1	0,74
Будущее									1

Примечание. Указаны только статистически значимые корреляции ($p < 0,05$).

лую разницу межкластерных расстояний в одной группе объектов («Окружающий мир» – «Семья» – «Будущее» – «Любовь» – «Настоящее») и достаточно большую при соединении этой группы с другими. Отметим, что ведущие смысловые образования «Будущее», «Семья» и «Любовь» объединяются в один общий кластер на самом близком по сравнению со структурой смыслов других механизмов расстоянии (63 единицы). Ведущие смысловые образования обнаруживают относительно высокую степень подобия и объединены в единый смысловой комплекс, но в то же время не сливаются в слабодифференцируемое единство, а среднеудалены в общем смысловом пространстве.

Проведенное исследование позволяет заключить, что переживание травматического события обуславливается процессом трансформации связей между различными компонентами смысловой сферы личности и изменением смысловых ориентиров жизнедеятельности. Можно сделать вывод, что эффективность функционирования механизмов переживания травматического события определяется: 1) сознанием новых ведущих смысловых образований, составляющих единый смысловой комплекс; 2) переструктурированием и формированием гибкой, опосредованной сети связей в системе смыслов; 3) осмысленностью событий всех временных модусов с интеграцией травматического события в целостный временной контекст.

В соответствии с полученными данными нам кажется неправомерным представление об эффектив-

ном совладании как о полном разрыве связей с травматическим событием, утрате актуальности пережитого и его забвении. Скорее, наоборот забвение травмы, уничтожение памяти о ней и обесценивание ее значимости лежит в основе неэффективных попыток выхода из ситуации. Если придерживаться такого понимания, то наиболее логическим ее следствием будет заключение о том, что травматическое событие в принципе неисчерпаемо по своему влиянию на жизнедеятельность личности. Задачей преодоления является поиск иных способов существования в навсегда изменившемся мире, формирование новых ведущих смысловых образований, изменение структурно-динамических связей между ними. Этот процесс, осуществляемый посредством установления смысловых связей между событиями прошлого, настоящего и будущего, актуализации и реализации в реальной жизнедеятельности основных смыслообразующих ценностей, может считаться более или менее эффективным лишь при условии адекватного отношения к травматическому событию. Представляя собой своего рода постоянно актуализирующийся гештальт, травматический опыт постоянно требует очередных возвращений и освоения, однако возвращения каждый раз в новом качестве – с учетом изменившейся социальной ситуации, принятия новых ролей, приверженности новым ценностям, что и является условием интеграции травмы в новый контекст жизни в рамках целостного жизненного пути личности.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования РФ, гранты А03-14-354; А04-1.4-330.

Литература

1. Анцыферова Л.И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия // Психологический журнал. 1993. № 2. С. 3–16.
2. Бохан Т.Г. Культурно-исторический подход к проблеме стрессоустойчивости и ее формированию в онтогенезе // Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность: Материалы Сибирского психологического форума. Томск, 2004. С. 519–526.
3. Васильков Ф.Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. М.: МГУ, 1984. 200 с.
4. Грининг Т. Посттравматический стресс с позиций экзистенциально-гуманистической психологии // Вопросы психологии. 1994. № 1. С. 92–96.

5. Зейгарник Б.В. Очерки по психологии аномального развития личности. М.: МГУ, 1980. 69 с.
6. Клиническая психология / Под ред. М. Перре, У. Бауманна. СПб.: Питер, 2002. 1312 с.
7. Магомед-Эминов М.Ш. Личность и экстремальная жизненная ситуация // Вестник МГУ. Сер. 14: Психология. 1996. № 4. С. 26–35.
8. Мазур Е.С. Смысловая регуляция негативных переживаний у пострадавших при землетрясении в Армении // Психологический журнал. 1992. Т. 13, № 2. С. 71–86.
9. Муздыбаев К. Стратегия совладания с жизненными трудностями: теоретический анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 100–111.
10. Мясищев В.Н. Психологическая наука в СССР. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. Т. 2. 372 с.
11. Поletaева А.В. Особенности смысло-жизненных ориентаций лиц с признаками посттравматического стрессового расстройства // Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность: Материалы Сибирского психологического форума. Томск, 2004. С. 430–437.
12. Семке В.Я. Типология и клиническая динамика посттравматических стрессовых расстройств у комбатантов // Российский психиатрический журнал. 2001. № 5. С. 19–23.
13. Серый А.В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2004. 272 с.
14. Торчинская Е.Е. Роль ценностно-смысловых образований личности в адаптации к хроническому стрессу (на примере спинальных больных) // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 2. С. 27–35.
15. Brewin C.R. A Dual Theory of Posttraumatic Stress Disorder / C.R. Brewin, T. Dalgleish, S. Joseph // Psychological Review. 1996. Vol. 103, № 4. P. 670–686.
16. Horowitz M.J. Stress response syndromes. N. Y.: Aronson, 1976. P. 311.
17. Sery A. Modification of Purpose-in-Life Test // 28 Congreso Interamericano de Psicologia. Santiago; Chili, 2001. P. 127.

MEANING COMPONENTS OF PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF COPING WITH TRAUMATIC EVENT

A.V. Poletaeva (Kemerovo)

Summary. The question of coping with traumatic event is discussed in the article. Structural characteristics of meaning component of coping are allocated. The role of topical meaning condition in coping with traumatic experience and psychological mechanisms of coping are shown.

Key words: traumatic event, psychological mechanisms of coping, sense, value, topical meaning condition.